

вание на хорватскую поэзию, как и на русский фольклор, также отсутствует. Зато заметна решительная ориентация на классическую древность.

В первом «Способе» Третьяковский кроме образцовых поэтов античности называет и европейских авторов нового времени. Во втором безраздельно господствуют греческие и римские поэты, исключение составляет лишь Буало, который, как приверженец классической древности во французском *querelle des anciens et des modernes* (споре древних и новых), возглавлял «древних». ¹⁰³ Кроме него, Третьяковский называет и двух других французских авторов, которые также выступали на стороне «древних», — историков Шарля Роллена и Андре Дасье, супруга переводчицы Гомера мадам Дасье, такого же, как и она, знатока, переводчика и комментатора античной литературы.

В первом «Способе» античность и европейская литература нового времени осмысляются еще как нечто единое: их общий знаменатель — литературная образцовость, к которой следует стремиться России. Во второй картина меняется: на одной стороне представлена теперь только современная Европа, на другой — Россия вместе с классической древностью. При рассмотрении трехсложных метров, упоминание которых не предусматривалось первым «Способом», теперь читаем: «Не только не противны нашим Стихам Стопы Дактиль и Анапест, по примеру греческого стихосложения, но и приятными кажутся знающим силу Особам: наш Язык не как некоторые из Европейских, для ударений своих на разных слогах в словах, толикую ж к тому имеет способность, коликую и Греческий с Латинским». ¹⁰⁴ Далее Третьяковский санкционирует для русской поэзии различные формы «гексаметра», причем, рассматривая его дактилохореический и безрифменный вариант, он снова указывает на образцы греческой и римской поэзии. Такие формы гексаметра также оказались не чужды «языку нашему». Впрочем, он заключает, что было бы неплохо, если бы существовало много русских стихотворных форм — «бедность» французской поэзии, по его мнению, заключается как раз в том, что она знает только одну форму гексаметра. Тот же упрек можно отнести и к немецкой поэзии XVII — первой половины XVIII века.

У позднего Третьяковского идея патриотизма окрашена античным влиянием. Характерно представление об особенном «богатстве» русского языка. Как пишет он в другом месте, этим богатством язык обязан церковнославянской традиции. Во Франции такая традиция отсутствует, отсюда следует, как он снова формулирует, «скудость

¹⁰³ В предисловии к «Тилемахиде», в «Предъизяснении об ироической пииме», Третьяковский дает содержательную справку о второй фазе этого спора в начале XVIII века. Третьяковский В. К. Соч. Т. 2 С. LXIV—LXVI (примеч.). Ср.: Rosenberg K. 1) Between Ancients and Moderns: V. K. Trediakovskij on the Theory of Language and Literatur. Diss. phil. (рукопись). Yale, New Haven, 1980. 294p.; 2) The Quarrel between Ancients and Moderns in Russia // Russia and the West. P. 198 ff.

¹⁰⁴ Третьяковский В. К. Соч. Т. 1. С. 129, 139.